

Сельская Новь

ISSN 0582—5164

январь 1992

**Зимние сны
России**

НАШИ ОБЩИЕ ТРЕВОГИ

**1 Устоим —
какой ценой?**

КОГО ОБМАНЫВАЕМ?

**2 «У него все
схвачено!»**
Ю. Евстифеев

ВСЕМ МИРОМ

5 Бог в помощь
*Л. Заварский,
А. Семашко*

**8 ФЕРМЕРСКИЙ
ВЕСТНИК**

СПОРНЫЕ МЫСЛИ ВСЛУХ

**10 И за счет,
и в ущерб**
И. Филоненко

12 ЖУРНАЛ ПОМОГ

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

**13 Спасите
наши души**
В. Марченко

РОДНИКИ

**16 Согнутая
спина
в сереньком
бушлатике**
А. Зябров

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

**19 Тимофей Хван:
герой
и жертва**
С. Дубинская

ОБРЕТАЯ ЗАНОВО

**22 «Укажите
мне край,
где светло
от лампад...»**
Н. Сухинина

КЛУБ ИНТЕРЕСНЫХ ВСТРЕЧ

**26 «Обезьяна
не бросит нас
на полпути**
Т. Глоба

28, 57 СН-ИЦФОРМ

ИСПОВЕДЬ СМЕРТНИКА

**29 На краю
жизни—
не лгут**
В. Захаров

МАСТЕРСКАЯ ФАНТАЗИИ

**32 Формула
радуги**
Н. Грашин

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

**34 Одинокая
плачет гармонь**
Ю. Терещенко

ДОБРЫЙ ДЕНЬ— ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА

**36 Жива
народная
частушка**

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

**38 Эх, жизнь
наша...**
М. Панкратова

**41 ПОМОГИТЕ НАМ
ВСТРЕТИТЬСЯ**

НОВЫЙ ДЕТЕКТИВ

**42 Странные
деньги**
Г. Касьянов

47 ДЕЛА ДОМАШНИЕ

60 ПОСИДЕЛКИ

На первой странице обложки
фото Анатолия Иолиса

Главный редактор
А. Ф. КАЛИНКИН

Редакционная
коллегия:

Г. К. БЕРДИЧЕВСКАЯ,
Ю. И. ГОВОРУХИН
(руководитель редакционной
группы «СН»),
П. И. ЗВЕГИНЦЕВ,
Ю. Н. МИХЕЕВ
(ответственный секретарь),
В. Н. ОРЛОВ,
А. И. РЕБЕЛЬСКИЙ
(первый зам.
главного редактора),
Г. С. РОНИНА,
В. Н. СОЛЕННИКОВ,
И. В. СТЕРКИН,
И. Е. ФИЛОНЕНКО

Редакционный совет:
В. Ф. БАШМАЧНИКОВ,
Т. И. ЗАСЛАВСКАЯ,
С. А. КУШНАРЕВ,
Г. С. ЛИСИЧКИН,
В. П. МОСОЛОВ,
А. И. ПОПОВ

Оформление
К. К. КОЛПАКОВОЙ,
А. В. ЛОБАШИНСКОГО

Корректор
Э. С. КОРЧАГИНА

Учредитель—
трудовой
коллектив
редакции

Сдано в набор 21.10.91.
Подписано к печати 11.12.91.
Формат 84×108 1/16.
Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,72.
Уч.-изд. л. 10,14.
Усл. кр.-отт. 26,9.
Тираж 2 481 450 экз.
Заказ 1709

Ордена Трудового
Красного Знамени
Чеховский
полиграфический комбинат
Министерства печати и
информации
Российской Федерации
142300, г. Чехов
Московской области

Адрес редакции:
107807, ГСП-6, Москва, Б-78,
Садовая-Спасская ул., 18,
«Сельская новь»
Телефоны: 207-26-67
207-11-90

© Редакция журнала
«Сельская новь»

Странные дела

Геодим КАСЬЯНОВ

Находка

— Ты молодец, старуха! — похвалил я.

Старуха, притворяясь рассерженной, схватила конец узловой жерди зубами и рысью потащила ее вверх по склону. Старуху звали Дэзи. В тот вечер я гулял с нею за новым зданием профтехучилища на большой зеленой поляне, полого спускавшейся к улице. Ей не было еще и года, но вид она имела внушительный: могучая шея, широкая грудь, мощные лапы. Только глаза, еще по-щенячьи любопытные и веселые, выдавали ее возраст.

Протащив жердь метров пятьдесят по склону, собака вдруг бросила ее и уставилась на молодых людей — парня и девушку, шедших вверх по тропинке. Потом повернула голову и вопросительно посмотрела на меня. Ибо бдительность и послушание были основными чертами ее натуры.

— Ты чего это? — спросил я строгим голосом. — Иди сюда, и, пожалуйста, без глупостей.

Собака прыгнула вниз, но тут же остановилась, повернула назад и, схватив палку, потащила ее за собой с явным намерением упрятать игрушку подальше от посторонних: мало ли чего!

Солнце клонилось к западу. Вечер уже удлинил тени деревьев, росших вдоль тропинки, и от этого верхняя половина поляны потемнела. Я сидел на траве у самого края тени. Пора собираться домой. Часа через три должна позвонить жена и сообщить, когда, наконец, вернется из командировки. Возвращение задерживалось «по техническим причинам», как любит выражаться справочная служба в аэропортах. Мне уже успела надоесть холостая жизнь, поэтому звонка я ждал с нетерпением.

Итак, сколько на часах? Все, пора восвояси. Я огляделся. Жердь, порядком изодранная, лежала неподалеку. На дальнем краю поляны у густых кустов черемухи крутилась ватага ребятишек, но собаки в той стороне не было. По тропинке вверх медленно шла к профтехучилищу девушка, почему-то теперь одна. А чуть правее, за густой высокой травой, в небольшой ложбинке виднелась черная спина — Дэзи усердно раскапывала чью-то нору. Ладно, пусть потрудится, я подожду еще немного.

В небе носились стрижи, подбирая последнюю мошкору, у кустов черемухи возбужденно перекликались пацаны. Девушка медленно шла по тропинке. Интересно, куда пропал молодой человек? Чего греха таить, я ужасно любопытен. К тому же у девушки прелестная фигурка, и смотреть на нее просто приятно.

Так куда же исчез молодой человек? Как говорится, провалился на ровном месте. Ах, вот он где! Пропавший джентльмен выбрался из оврага, заросшего кустами, и вышел на тропинку. Он что-то сказал девушке, она рассмеялась. Потом взяла у него из рук свою сумочку, повесила на плечо, и они пошли вниз, наверное, к остановке автобуса.

Я посмотрел им вслед с некоторым пренебрежением: что остроумного может сказать кавалер своей даме, вылезая из кустов? Кстати, а почему у него в руках оказалась женская сумочка? Она же висела у девушки на плече, когда я их увидел.

Я снова посмотрел им вслед. Они бежали к остановке, взявшись за руки. На остановке стоял автобус.

Так зачем в овраге ему понадобилась ее сумочка? Непонятно...

Собственно, чего я к ним прицепился? Или у меня своих забот мало?

Впрочем, незачем забивать голову всякой ерундой. Где эта несносная собака? Я оглянулся: верная Дэзи тихо стояла сзади, повесив хвост и, вероятно, не ожидая от меня ничего хорошего.

— Идем, — буркнул я.

Мы не спеша пошли вдоль нижнего края поляны. Вон из тех кустов вылез молодой человек с сумочкой в руке. И все-таки зачем она ему понадобилась в овраге? Слово назойливый бесенок сидел у меня в голове и нашептывал свое... А может быть, заглянуть сейчас в этот овраг?

И я решительно повернул наверх, на тропинку. Трава у кустов была примята: видимо, сюда ходили не однажды. Кругом была тишина, и я нырнул между ветками вслед за собакой.

Овраг внутри зарос высокой редкой травой, в нем было сумрачно и прохладно. У подножия склона довольно аккуратно вырыта небольшая пещера, в ней валяются какие-то тряпки. Неподалеку от пещеры лежала толстая бетонная плита, попавшая сюда совершенно непонятным образом. Ничего интересного.

ОБ АВТОРЕ

Геодиму Трофимовичу Касьянову за пятьдесят. Он живет в Иркутске, по профессии радиофизик. Опубликовал около тридцати научных работ.

Писать прозу начал лет двадцать назад, сначала только для «домашнего потребления». И лишь в 1989 году решил послать на конкурс, объявленный журналистским еженедельником «Окно», один из своих детективов. И победил.

Геодима Касьянова начали печатать в местных изданиях. И вот теперь он, можно сказать, выходит со своей новой детективной повестью на всероссийскую арену. Пожелаем ему удачи!

Я взглянул на собаку и удивился. Дзэи сосредоточенно «исследовала» угол плиты. Потом застыла, принохиваясь к чему-то. Я опустился рядом с нею на траву и заглянул в щель между бетонной плитой и землей. Там виднелся кусок тряпки. Сунув руку, я вытащил плоский пакет, завернутый в кусок серой материи.

Я развернул тряпку и не поверил своим глазам: в моей руке лежал полиэтиленовый пакет, а в нем — толстая пачка денег.

Таксист

Снова я сижу на траве посреди поляны и не свожу глаз с кустов, скрывающих овраг. Собака гоняется за мышами и внимательно обнюхивает норы сусликов. Прошло уже минут двадцать, но ничего подозрительного пока не произошло. Сверток с деньгами лежит на земле, прикрытый большим лопухом.

Если говорить прямо, то я украл эти деньги. Как ни оправдывай свои действия, а это самая настоящая кража, да еще крупная, если судить по толщине пачки.

Однако теперь уже поздно раскаиваться. К тому же всякому ясно, что деньги в овраге спрятали неспроста. Очень может быть, что их оставили для анонимной передачи другому лицу, тогда это лицо рано или поздно должно появиться здесь. Поэтому я и посиживаю тут на травке. Хотя я понимаю, что совершенно необязательно кто-то должен прийти именно сейчас: он может явиться ночью или завтра утром, или вообще Бог знает когда. Ну что же, если никого не дожусь, вернувшись домой, тут же позвоню в милицию и попрошу забрать у меня этот сверток. А заодно разбераться, зачем двое симпатичных молодых людей спрятали в малолюдном месте такую прорву денег...

Невдалеке скрипнули тормоза. С улицы на подъездную дорогу, ведущую к училищу, свернуло такси. Светло-желтая машина с шахматными полосками на бортах взлетела на пригорок и, не сворачивая к училищу, прямо по пешеходной дорожке помчалась дальше. У кустов, замыкающих овраг, шахматный зверь клюнул носом и замер, чуть покачиваясь.

Хлопнула дверца, щупловатый шофер вылез из машины. Он потоптался на месте, разминаясь, поправил на лобовом стекле щетку и, оглянувшись по сторонам, вдруг нырнул в кусты.

Я замер. Сколько времени прошло после моего визита в овраг? Всего двадцать пять минут. Быстро же приехали за пакетом. Оно и правильно, можно ли надолго оставлять такие деньги без присмотра?

Что же теперь делать? Разумеется, попробовать узнать номер машины, и как можно скорее, пока шофер будет искать пропавшую в овраге.

Я осторожно сунул руку под лопух, взял сверток и положил его в карман. Встал и с безразличным видом направился к училищу, намереваясь пройти позади машины на таком расстоянии, чтобы разглядеть ее номер. Собака бежала рядом. Но тут из кустов буквально вылетел таксист, вскочил в машину, мгновенно завел ее и задним ходом на полном газу выехал на дорогу. Зачем-то постояв у обочины, он, теперь уже не спеша, поехал по улице и скрылся за поворотом.

Мы с Дзэи шли по асфальту, а мимо, вздымая сухую летнюю пыль, пронеслись шуршащие, свистящие, ревущие машины. Конечно, я искал глазами такси. Одно остановилось за перекрестком улицы Овражной. Водитель что-то сказал шоферу автобуса, стоявшего у остановки. Мы перешли через дорогу и направились вниз, к жилым домам. И снова мимо нас проехало такси с пассажирами. Таксист посмотрел на меня с явным неодобрением. Почему? Может быть, ему не понравилась Дзэи? Или привлек внимание оттопыривающийся карман пиджака, где лежал злополучный пакет?

Глупости! Чего только не приходит в голову. И все-таки тревога не проходила. Я огляделся. Дзэи равнодушно шла рядом. Надвигался вечер. Солнце висело над самыми крышами домов, и легкие перистые облака предвещали на завтра хорошую погоду.

Дома я положил пакет на стол и, чтобы успокоиться, стал ходить по комнатам от окна к окну: наша квартира имела расположение комнат, именуемое в народе «трамваем», поэтому гулять по ней было удобно. Наконец сел за стол, развернул сверток, вытащил деньги и пересчитал их. В пачке были только червонцы. Отсчитав сто бумажек, я отодвинул

стопку и принялся за вторую сотню. Потом за третью... Всего десятирублевок оказалось ровнехонько тысяча штук. Такого количества денег держать в руках мне еще не приходилось. Мелко плаваю.

Откинувшись на спинку стула, я задумался. Что это за деньги? Их спрятали? От кого? Нет, скорее их оставили для кого-то. Для шофера такси? Но зачем потребовалось передавать их таким сложным способом? Почему не из рук в руки? Странно...

Так или иначе, пока деньги у меня — я вор. Вот раздастся сейчас звонок в дверь, зайдет кто-нибудь из знакомых, как я буду объяснять, откуда у меня такая прорва денег? Прислали родственники? Нашел все это в лесу?

Я сгреб червонцы в кучу, затолкал их снова в полиэтиленовый мешок и завернул в тряпку. Все. Сейчас позвоню в милицию, пусть приедут и заберут эту чертову находку.

Я взялся за телефонную трубку, но тут и в самом деле раздался звонок в коридоре. В дверях, лучезарно улыбаясь, стояла соседка, прижимая к груди большой сверток.

— Ваша жена дома? — Мне подумалось, что так может улыбаться женщина, если она знает заранее, что жены дома нет. — Я хочу показать ей пласть, недавно приятельница прислала из Югославии, но мне немножко не по фигуре.

— В самом деле? — вполне искренне удивился я, оглядев ее фигуру. Она засмеялась.

Обворожительная у меня соседка. Живет с семилетней дочерью, муж где-то запропастился... Я вздохнул с огорчением и сказал:

— Жена вчера должна была приехать, но задержалась. Может быть, завтра будет дома.

— О, извините. Мне показалось, что я сегодня ее видела. Тогда я загляну к вам завтра. Не возражаете?

Она снова кокетливо улыбнулась.

Закрыв дверь, я задержался в коридоре, с сожалением прислушиваясь к удаляющемуся стуку каблучков, и вернулся в комнату. Взял телефонную трубку. Она безмолствовала. Я надавил на рычаг и отпустил его, потом забарабанил по нему пальцем. Гудка не было.

В той путаной и непрочной паутине, которую плела и латала наша доблестная телефонная служба, опять что-то оборвалось. Можно позвонить в милицию от соседей, но разговор примет наверняка деликатный характер. Я представил себе, как буду маяться и мычать в трубку что-то невнятное, а сосед, прикрывшись газетой, прислушиваться к моему мычанию. Нет, не пойду.

Значит, самому везти деньги в милицию? Тоже ничего хорошего. Пока я буду все объяснять замороченному дежурному, потом пересказывать оперативнику, потом... А тем временем телефон может заработать, и я прозвоню звонок от жены. Нет, деньги подождут до завтрашнего утра. Тем более что за окном уже темно. И, сунув пакет с деньгами на полку между книгами, я углубился в домашние дела. Лишь время от времени подходил к телефону и поднимал трубку.

Связь так и не заработала, зато в первом часу ночи появилась жена собственной персоной, весьма удивленная тем, что никак не могла до меня дозвониться.

С изумлением и даже испугом жена осмотрела деньги, снова разложенные мною на столе, после чего выслушала историю их появления. Вывод ее был таков:

— Чтоб в мое отсутствие ни по каким оврагам ты больше не шлялся!

Дзэи, положив морду на лапы, задумчиво поглядывала на нас и, казалось, тоже осуждала мое легкомысленное поведение.

Спать мы легли поздно.

Ночной гость

А в полчетвертого раздался звонок в дверь. Было еще темно. Я с трудом оторвал голову от подушки и прислушался: показалось или нет? В коридоре собака рычала на кого-то, значит, не показалось. Заплетающимися со сна ногами я вышел в коридор:

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста, — попросил тихий и вежливый мужской голос. — А то неудобно через дверь разговаривать. Мне надо узнать кое-что, а больше не у кого, все спят.

— Сейчас, — ответил я, откашлявшись, и услышал из-за двери:

— Спасибо.

— Кто там? — послышался из комнаты шепот жены. — Не открывай никому. Скажи, пусть утром приходит, нечего по ночам людей будить. Мало ли чего ему надо!

Конечно, не очень-то разумно открывать в такое время дверь неизвестному, но человек так вежливо просит! И изъясняется вполне культурно. Вероятно, и в самом деле нуждается в помощи.

— Ничего, — ответил я жене тоже шепотом, — открою. Узнаю, чего ему надо.

На пороге стоял рослый, спортивного вида молодой человек. На нем была штормовка болотного цвета, темные брюки, на ногах кеды. Я почувствовал запах вина и внимательно посмотрел ему в лицо: большие карие глаза его были нетрезвы, на губах кривилась неопределенная усмешка. Опершись одной рукой на полуоткрытую дверь, он сразу же шагнул на порог, но я не отступил и остался стоять на месте, вцепившись в дверную ручку. Он заглянул за мою спину и испуганно шагнул обратно. Вероятно, Дэзи оскалила пасть и показала зубы — это у нее получается хорошо.

Отступив за порог, незнакомец облокотился о стену и посмотрел на меня туманным взором.

— Я вас немножко побеспокоил, — сказал он тихим и каким-то доверительным голосом, совсем не соответствовавшим его крупному телосложению и нагловатой усмешке. — Вы извините, я выпил немного с друзьями и теперь ищу одного человека...

— Кого именно вы ищете? — перебил я, начиная злиться.

— Женщину. Она китаянка. Живет где-то здесь, в ваших домах. Она молодая, маленького роста...

— Никаких китаянок я у нас никогда не видел.

Он улыбнулся:

— Странно, я точно знаю, она живет где-то поблизости.

Он повернул голову и вдруг совершенно трезвым взглядом посмотрел вниз вдоль лестницы, в окно, выходящее на улицу.

— А вы давно здесь живете? — снова спросил он тем же расслабленным голосом, поворачиваясь ко мне.

— Давно.

— А как давно? Вы извините, но если не очень, то вы всех можете и не знать.

Я уже понял, что все это игра. Он просто пудрит мне мозги. Можно порезче толкнуть дверь, и замок защелкнется, но мне было интересно узнать, что он собирается делать дальше, не до утра же расспрашивать про китаянку. Я улыбнулся:

— Я живу здесь с момента заселения дома.

— Да, — он повел головой, — тогда должны знать всех.

А на улице вам не прихотилось...

— Вадим! — вдруг странным высоким голосом позвала жена из комнаты. — Скорее! Иди сюда!

Собака, лежавшая до сих пор неподвижно, вскопчила, рывкнула и завертелась на месте, не зная, что предпринять. Мой собеседник отделился от стены, сделал шаг назад и снова посмотрел вниз, в окно. Я наконец сообразил, что самое лучшее в создавшейся ситуации — захлопнуть дверь.

Замок с металлическим лязгом щелкнул, и я услышал за дверью удаляющиеся шаги. Собака скулила и скребла лапами дверь, ведущую в комнату. Я плечом распахнул ее и увидел в неярком свете, падавшем из коридора, что жена стоит возле кровати и пристально смотрит на балкон.

— Что такое?

— Там кто-то есть! В окно заглядывал какой-то мужчина. Я крикнула, и он спрятался. — Голос жены дрожал.

Что за чертовщина! Я почувствовал, как холодные мурашки побежали по спине. Осторожно отодвинув штору, я осмотрел балкон. Он был пуст. Осмелев, я открыл балконную дверь и выглянул наружу. На улице серый сумрак и полная тишина, огни в домах погашены. Как мог появиться на балконе человек? Спустился с крыши? Может быть, жене все показалось?

И тут мое внимание привлек небольшой светлый предмет, лежавший на полу балкона как раз против окна. Я нагнулся: это был окурочек сигареты. Свеженький, недавно выплунутый из зубов.

Значит, не показалось.

...Только теперь я вспомнил про десять тысяч рублей, найденных нынче вечером в овраге и лежавших сейчас на книжной полке. Батюшки светы! Ничего себе, находочка. Не иначе как черт меня дернул взять эти деньги. Вот чем оборачиваются легкомысленные поступки!

Не зажигая света, мы с женой сидели в темноте и обсуждали случившееся.

Без сомнения, это была ловушка, рассчитанная на то, что в квартире, кроме меня, никого нет. Пока один из злоумышленников отвлекал мое внимание дурацким разговором у входной двери, его «коллега» пытался проникнуть в квартиру через балкон. Я же, как последний идиот, развесил уши и слушал увлекательный рассказ о какой-то китаянке... И очень может быть, что совсем по-другому закончилась бы наша содержательная беседа, не поторопись жена именно сегодня вернуться домой.

Однако отсюда следует, что кому-то из «тех» было известно про мою холостяцкую жизнь; на этом был построен весь план. К сожалению, обстоятельство это известно многим: соседи у нас — люди наблюдательные.

Однако какое отношение могут иметь наши знакомые и соседи к тайнику в овраге? Это же чушь, кошмарный бред. В конце концов, никто не видел, как я полез в овраг и вытаскил из тайника сверток. Может быть, когда выходил из кустов? Да нет же, на тропинке никого не было, и на поляне тоже. В чем же дело?

А может, ночное происшествие вовсе не имеет отношения к свертку с деньгами? Просто пьяные грабители решили попытаться счастья наудачу. Шли мимо, случайно остановились у моего дома, потолковали: ну-ка, друзья-урки, грабанем квартирку, авось навар будет. Что-то сомнительно...

Нет, не могу я найти удовлетворительного объяснения этой истории.

Телефон заработал

Естественно, на следующий день — а это была суббота — мы встали довольно поздно. Погода стояла прекрасная. Солнце било в окна с такой веселой яркостью, что, открыв глаза, я удивился, как это мы могли спать до сих пор. Двор под окнами был полон звуков: птички голоса перекликались с детскими, хриплый магнитофонный рев, доносившийся издали, сопровождался ворчливым лаем старой дворняги, безбедно жившей в нашем дворе.

Открыв дверь, я вышел на балкон оглядеть окрестности. В песочнице копошились вместе с мамами и бабушками малыши; рядом на качелях с визгом раскачивались девчонки постарше. На полянке между двумя соседними домами мальчишки гоняли мяч. Карусель тоже не бездействует, правда, ее заняли не дети, а девушка и парень, на вид лет двадцати.

В общем, картина мирная и безмятежная. Ни китайцев, ни китаянок поблизости не наблюдалось. Только вот окурочек, все еще лежавший на балконе, не вписывался в этот прелестный пейзаж. Слово обгоревший метеорит, свалившийся вдруг из неведомых просторов вселенной на мой мирный балкон.

— Чего ты, неумытый, на балконе торчишь? — подала голос жена из комнаты. — И непричесанный.

Я пригладил волосы и пошел умываться.

После завтрака проверил телефон — трубка молчала. Пожаль, съезжу-ка я с утра в милицию, избавлюсь, наконец, от этих таинственных денег.

Но ноги сами понесли меня к окну. С чего бы такое любопытство? Вероятно, это остатки ночной тревоги заставляют еще и еще убеждаться, что все в порядке, окружающий мир спокоен и живет обычной размеренной жизнью.

На этот раз во дворе пацаны с увлечением играли в козла. На заборе, огораживавшем территорию детского сада, висел ковер, и мужчина с ожесточением молотил по нему детской хоккейной клюшкой. Бедный, не иначе как с женой поссорился, ишь как пыль от ковра летит. Парень и девушка на каруселях сидели все в том же положении: он — спиной ко мне, она — лицом. И мирно беседовали. Вот вам нынешняя молодежь, с утра заняться нечем. Откуда они, из какого дома? Я их раньше не видел.

Так ехать или не ехать в милицию? Дэзи, видимо караулившая, как бы я не сбежал без нее на прогулку, умильно смотрела мне в глаза.

Ладно, отправлюсь-ка я сейчас в райотдел. Только еще раз осмотрю местность: вдруг и в самом деле мой ночной собеседник шляется до сих пор где-нибудь поблизости в поисках китаянки. Очень интересно было бы его увидеть при дневном свете.

Нет, ночного гостя, конечно же, и след простыл, а вот карусель все так же была занята. Все той же парочкой.

И тут я почувствовал какое-то смутное беспокойство, что-то вроде иголки, скребущей внутри. Уставившись через окно на беспечных молодых людей, я с усилием соображал: что же именно мне не нравится? Ну, сидят они давно уже, второй час пошел. Так что из этого? Сидят же пенсионеры и пенсионерки на скамейках целыми днями, и никого это не волнует. Откуда же тревога? Парень и девушка оживленно беседуют, даже издали заметно, что общение доставляет им взаимное удовольствие. Но это ведь нормально! Может быть, после беспокойной ночи я чересчур подозрителен?

И все же...

Кажется, понял! Дело как раз в том, что они долго сидят на одном месте: не крутят карусель, а только шаркают ногами по песку. Почему? Это же так естественно — раскрутить карусель, немного размяться. Почему же за полтора часа неподвижного сидения им не пришло это в голову? Нет, здесь действительно что-то не так.

— Посмотри в окно, — попросил я жену. — Видишь тех, на карусели?

Жена оторвалась от плиты.

— Вижу. А что?

— Понимаешь ли, они уже давно сидят на одном месте. Второй час пошел, как сидят. И не крутятся.

Жена взглянула на меня с презрением и вернулась к плите.

— А разве ты не сидишь подолгу на одном месте? Посмотри-ка на наш диван. В подушке, которая против телевизора, уже яма образовалась.

— Так это же против телевизора! — ответил я с некоторым раздражением. — И не я один там сижу, кстати.

Жена перешла к раковине, открыла кран и принялась мыть посуду.

— Вообще-то я хотел тебя спросить, — продолжал я, — не знаешь ли ты этих молодых людей?

— Нет... Сходи-ка лучше за хлебом. И молока надо бы купить. А из магазина можешь пройти к карусели и спросить, чего они тут расселись.

Вот он, образец женской логики! Я сделал возмущенное лицо и, выдержав для приличия паузу, пошел в комнату одеваться. В магазин так в магазин.

И в это время зазвонил телефон. Я схватил трубку.

— Сорок шесть сто девяносто пять? У вас что с телефоном? Не работает? — спросил строгий женский голос.

— Не работает! — радостно закричал я. — Со вчерашнего дня.

— Вы не кладите трубочку, сейчас проверю, — строго сказала телефонистка.

Слышно было, как она, отвернувшись от микрофона, спрашивала кого-то:

— Этот? А почему он тут лежит? Кто здесь работал? Тогда почему нас не предупреждают?

— Алло! — сказала она после паузы. — У вас трубка лежала неправильно, поэтому телефон отключили. Вы слушаете?

— Слушаю, — ответил я. — Это неправда. С трубкой неправда, потому что она лежала нормально. Но все равно спасибо.

— Телефон исправили? — удивилась жена.

— Исправили. Звонила дежурная.

— А как она могла узнать, что он не работал? Ты же не звонил им?

Я задумался. Действительно, как?

— Она с кем-то говорила про что-то, лежавшее не на месте. Наверное, провод от нашей линии болтался, она и увидела. И как человек добросовестный...

— Откуда ты знаешь?

— Что знаю?

— Да что она человек добросовестный.

— Я не знаю, я предполагаю.

Моя подруга с сомнением взглянула на меня и прошествовала к горшкам с цветами.

— По всяким оврагам шляешься, а цветы сухие.

Да, это был мой тяжкий грех — неполитые цветы. По опыту я знал, что в таких случаях лучше промолчать.

Поэтому, ничего не ответив жене, я снял телефонную трубку и медленно набрал номер райотдела милиции.

— Дежурный капитан Ткачев слушает.

Внятно и, по-моему толково, как того требовали обстоятельства, я объяснил капитану Ткачеву, что вчера вечером в малолюдном месте недалеко от нашего дома нашел деньги и принес их домой. Полагаю, что случайно видел тех, кто их прятал. Хотел бы, чтобы кто-нибудь из работников милиции приехал ко мне и забрал эти деньги. Готов показать место, где их нашел, и ответить на вопросы.

Капитан выслушал меня, не перебивая, после чего сказал скучным голосом, что все машины сейчас в разъезде, поэтому приехать никто не сможет. Потом поинтересовался, считал ли я деньги и сколько их оказалось в точности.

— Ровно десять тысяч.

— А какими купюрами, не припомните?

— Помню. Десятками.

— Угу. Подождите минуту.

В трубке довольно долго слышны были чьи-то голоса, наконец кто-то энергично произнес:

— Алло, вы слышите? Вами будет заниматься следователь Серебренников. Вы откуда звоните?

— Из дома.

— Позвоните ему сейчас по номеру сорок шесть триста пятьдесят восемь. Он будет разбираться с вашим заявлением, ему все и расскажете. Вы меня поняли?

— Понял.

И в трубке раздались короткие гудки.

Итак, машина завертелась. Следователь Серебренников будет разбираться... Удивительно, что в милиции не поинтересовались моей личностью: ни фамилии, ни адреса не спросили, даже номер моего телефона никого не заинтересовал. Бездушная какая-то машина и беспечная. А вдруг я раздумаю и оставлю себе эти тысячи? Интересно, будут меня тогда разыскивать или нет? Я посидел, подумал и набрал номер следователя.

Серебренников, если судить по телефонному разговору, был человеком деловым.

— Я знаю то, что вы говорили дежурному, — сказал он, — поэтому не стоит сейчас все повторять. Давайте встретимся. Вы где живете?

Он записал наконец-то мой адрес и телефон и помолчал немного.

— Не очень хорошо получается со временем, — протянул он. — Я должен сейчас уехать и буду занят примерно час. Сделаем так: ровно через час буду ждать вас на Садовой, знаете, где это?

— Ну, вообще-то знаю, — я был в сомнении. — А где именно?

— Очень хорошо, — обрадовался следователь. — Я буду ждать вас в конце улицы со стороны реки. Встретимся и побеседуем. Только вот что: дело это может оказаться достаточно серьезным, поэтому вы, пожалуйста, не говорите о нем никому. Деньги привозите с собой. Договорились?

— Договорились, — вздохнул я.

Окончание следует.

Сельская Новь

ISSN 0582—5164

февраль 1992

**В ожидании
весны**

Не расставайтесь с надеждой!	1	<i>Н. Ларина</i> Отняли у нищего котомку...	19
<i>Г. Володина</i> Изменить бы самих себя	2	<i>Ю. Мартынов</i> Его душа осталась в песнях	20
<i>Ю. Евстифеев</i> Поражение Синякина	4	СН-информ	23, 38
<i>Руслан Хасбулатов</i> «Дело в нас самих...»	8	<i>Г. Ронина</i> Любовь не выбирает, где ей цвести	24
<i>И. Бородкина</i> Путешествие в Страну Дураков	12	Помогите нам встретиться	27
Фермерский вестник	14	<i>Г. Касьянов</i> Странные деньги	28
<i>Д. Борко, Г. Юрьев</i> Все на продажу	16	Дела домашние	33
«Переселенец»	18	Посиделки	44
		<i>На первой странице обложки фото Марка Штейнбока</i>	

Учредитель — трудовой коллектив редакции

Главный редактор А. Ф. КАЛИНКИН

Редакционная коллегия: Г. К. БЕРДИЧЕВСКАЯ, Ю. И. ГОВОРУХИН (руководитель редакционной группы «СН»), П. И. ЗВЕГИНЦЕВ, Ю. Н. МИХЕЕВ (ответственный секретарь), В. Н. ОРЛОВ, А. И. РЕБЕЛЬСКИЙ (первый зам. главного редактора), Г. С. РОНИНА, В. Н. СОЛЕННИКОВ, И. В. СТЕРКИН, И. Е. ФИЛОНЕНКО

Редакционный совет: В. Ф. БАШМАЧНИКОВ, Т. И. ЗАСЛАВСКАЯ, С. А. КУШНАРЕВ, Г. С. ЛИСИЧКИН, В. П. МОСОЛОВ, А. И. ПОПОВ

Оформление К. К. КОЛПАКОВОЙ, А. В. ЛОБАШИНСКОГО

Корректор Э. С. КОРЧАГИНА

Сдано в набор 19.11.91. Подписано к печати 22.01.92. Формат 84×108 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 8,14. Усл. кр.-отт. 20,16. Тираж 2 496 960 экз. Заказ 1868. Цена 7 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Министерства печати и информации Российской Федерации. 142300, г. Чехов Московской области

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18, «Сельская новь»
Телефоны: 207-26-67, 207-11-90

© Редакция журнала «Сельская новь»

ВНИМАНИЕ!

Редакция вынуждена
объявить новую
подписку на второе
полугодие 1992 года

Дорогие читатели,
наши преданные друзья!
Мы уже информировали вас
об экономических трудностях
редакции, вызванных
безудержным ростом цен
на бумагу
и полиграфические работы.
К сожалению,
наши худшие опасения сбылись:
при нынешних ценах
(скажем, стоимость бумаги
выросла в 30 раз!)
тех денег, что вы внесли
за подписку на журнал
«Сельская новь»
и его приложение «Приусадебное
хозяйство» на 1992 год,
хватит — и то при частично
«ужатых» номерах —
лишь на первое полугодие.
Для тех, кто хотел бы
получать наши издания
во втором полугодии
проводится **НОВАЯ ПОДПИСКА**.
Она уже началась и
ПРОДЛИТСЯ ДО 15 МАЯ.

Цена одного номера
«Сельской нови» —
7 руб. 50 коп.,
стоимость подписки
на полугодие — 45 руб.
Индекс — 70911.

Цена одного номера
«Приусадебного
хозяйства» — 12 руб. 50 коп.,
стоимость подписки
на полугодие —
37 руб. 50 коп.
Индекс — 70746.

Подписка принимается
без ограничений
во всех отделениях связи
и агентствах «Союзпечати».

Надеемся, что и в это
трудное время вы будете
вместе со своими журналами.

Странные деньги

Геодим КАСЬЯНОВ

Встреча у реки

Улица Садовая, тихая, чистая и уютная, дальним концом упиралась в железную дорогу, проходившую вдоль берега реки. Уличный асфальт кончался метров за сто до насыпи, вместе с ним кончалась и цивилизация: вдоль насыпи в так называемой полосе отчуждения стояли бараки, построенные еще в тридцатых годах и с тех пор служившие жильем для железнодорожных рабочих. От барак до асфальта тянулись огороды с перекошенными заборами. Место было открытое и хорошо просматривалось. Здесь и должно было состояться наше свидание со следователем.

Я шел к месту встречи кружным путем. Сделав изрядный крюк и погуляв минут пятнадцать по близлежащим улицам, я решил выйти к назначенному месту как бы с тыла. Это были меры предосторожности.

Выражаясь словами несравненного Штирлица, со вчерашнего дня я чувствую, что нахожусь под колпаком. Ряд странных событий, случившихся одно за другим в столь короткий промежуток времени, заставил меня предположить, что в мою жизнь вторглась чья-то чужая, враждебная воля.

...Вот хотя бы эта пара на карусели. Минут через двадцать после моего телефонного звонка в милицию они исчезли. Обнаружив это, я, внезапно озаренный догадкой, выскочил из дома и еще раз внимательно огляделся вокруг: слева через дорогу виднелись песочница и качели; справа были густые кусты, создававшие приятный для глаза зеленый фон; внутри зарослей ребячьими ногами была вытоптана площадка для игр. В одном месте кусты раздвигались, образуя проход: в него-то я и увидел карусель. Два шага влево, два шага вправо от подъезда — и вид на карусель закрывали кусты. Вот и объяснение загадки: от карусели через проход в зеленой стене был хорошо виден наш подъезд.

Это обстоятельство основательно подпортило мне настроение. Если я и в самом деле под колпаком, значит, кто-то знает, что деньги из тайника находятся у меня. Тогда почему тот, кто знает об этом, не придет и не скажет прямо: отдай деньги, они мои! Вместо этого какие-то люди наблюдают за мною издали, не дают спать ночью, лезут на балкон, пытаются проникнуть в квартиру...

Новая мысль вдруг пришла в голову: если меня так плотно обложили, то, может быть, эти деньги — улика против кого-то? Тогда почему, скажите, я должен передавать такие деньги в руки следователя на пустынной улице, без свидетелей, без расписки? Может быть, все это будет оформлено впоследствии, но все равно — несерьезно. А если за мной увяжется кто-нибудь по дороге и в подходящем месте сделает зтот... гоп-стоп? Как знать, может, родимый подъезд и сейчас находится под наблюдением. Конечно, следователь Серебренников ничего не знает об этом, потому и поступает так легкомысленно, но мне от этого не легче. С другой стороны, он же сам сказал, что считает дело серьезным, и просил ничего никому не рассказывать...

В конце концов, я решил денег с собой не брать, а жене строго-настрого наказал в мое отсутствие не открывать посторонним дверь ни под каким предлогом. Сам же, выйдя из дому, начал, как заяц, петлять, ныряя за углы домов и подозри-

тельно разглядывая идущих следом прохожих. А так как на улице было довольно многолюдно, то вскоре я отвертел себе шею. Но никаких признаков наблюдений за своей особой так и не обнаружил.

Наконец время стало приближаться к назначенному часу, надо было торопиться к месту встречи.

Я шел по Садовой. Впереди меня, метрах в ста, маячила одинокая мужская фигура. Неожиданно прямо перед моим носом из-за угла дома вынырнули две девушки. Сначала они шли быстро, потом переглянулись и замедлили шаг. Такой маневр показался мне странным, я тоже сбавил темп. Выглядели девицы, на мой взгляд, вульгарно: очень уж демонстративно раскачивали бедрами. И, кроме того, они не сводили глаз с мужчины, шедшего впереди. Мое назойливое присутствие за спиной, как видно, раздражало их, и они пытались пропустить меня вперед. Но все внимание их было сосредоточено на том, кто шел впереди.

Я тоже посмотрел на него. Мужчина в темном костюме, не оглядываясь, неспешно подходил к перекрестку у начала улицы. Не Серебренников ли? Самое время. Девушки наконец стали проявлять признаки явного беспокойства, поскольку я упорно тащился за ними следом. Одна из них, та, что была повыше, повернула голову и что-то сказала подруге. Потом взяла ее под руку, и, пропустив меня вперед, они медленно подошли к обочине дороги и остановились, глядя на реку. Что оставалось делать? Я бодро проследовал мимо.

Мужчина остановился на перекрестке. От реки тянул ветерок. Мимо железнодорожных барак, стоявших в низине, прогрохотала электричка. Мужчина закурил, повернул голову и уставился на меня.

Значит, следователь? Ай-яй-яй! Почему же он не замечает, что за ним хвост? А еще профессионал.

Когда нас разделяло несколько шагов, он первым проявил инициативу:

— Это вы звонили по телефону? Я Серебренников.

Мы пожали друг другу руки. Он дружелюбно улыбнулся. Я в ответ изобразил подобие улыбки и сразу же заговорил тревожной скороговоркой:

— За вами хвост. Две девушки. Вон они — остановились у обочины. Глядят на реку. Может, вы их знаете?

Он удивленно взглянул на меня, потом повернул голову и посмотрел на девушек.

— Нет, впервые вижу. Но все равно, нам лучше уйти отсюда. Идемте на берег, там нам никто не помешает. — Похоже было, что его не очень встревожили эти девчонки. — Я пройду между бараками и через железнодорожную насыпь. Вы не теряйте меня из виду.

И он двинулся размеренным шагом по тропинке вдоль перекошенного забора, за которым торчали из земли засыхающие кусты картофеля.

Я стоял и дрожал как в лихорадке, ожидая, когда он отойдет подальше. Нервы мои были напряжены до предела. Мысль, что «хвост» был пущен не за мной, к чему я был готов заранее, а за следователем милиции, выбивала меня из колеи. Всего лишь час назад мы говорили с ним по телефону, а теперь под колпаком уже сам следователь. Немыслимо!

Я оглянулся — девицы, как мне показалось, стояли в напряженных позах, чуть повернув головы в нашу сторону.

Все. Пора и мне двигаться, хотя с места тронуться трудно —

Окончание. Начало в № 1

руки и ноги будто налились свинцом. Я вздохнул и медленно пошел мимо забора и барачков, чувствуя спиной чужие взгляды.

Серебрянников ожидал за железнодорожной насыпью, недалеко от берега реки. Только теперь я хорошо рассмотрел его. На вид следователю лет тридцать пять, среднего роста, чуть продолговатое лицо с правильными чертами, взгляд спокойный и какой-то уверенно-выжидательный, словно человек этот знал заранее, что должно произойти.

Он стоял на тропинке, протоптанной вдоль железнодорожного полотна среди высокой и густой полыни. Впереди простиралась уже потемневшая полоса воды, над ней растекалась серо-грязная туча.

— Вы никому не говорили о нашей встрече? — спросил Серебрянников, когда я очутился рядом с ним.

— Нет.

— Хорошо. Расскажите, пожалуйста, и поподробнее, как вели себя девушки, которые, как вы говорите, шли за мной. Почему вы подумали, что они занимались слежкой?

Одно дело — решить что-то для себя, и совсем другое — доказать справедливость своих выводов другому. Попробуйте-ка выстроить для постороннего человека логичный и доказательный ряд из мелочей, мимолетно отмеченных сознанием.

Я говорил долго и сбивчиво, но Серебрянников слушал, не прерывая. Когда я кончил, он сказал:

— Да, это кажется странным. Я очень хорошо знаю, поверьте: чтобы организовать за кем-нибудь наблюдение, надо обладать информацией и большими возможностями. Вы понимаете меня? Большие возможности могут быть только у большой организации. — Он улыбнулся. — А нас Бог милует пока. Нет в нашей округе такой напасти.

Конечно, чтобы установить наблюдение за следователем, надо, помимо жуткого нахальства, иметь еще и информацию о нем. А чтобы ее раздобыть, нужны сообщники. Другими словами, тут должна действовать преступная организация, банда, шайка, или как там еще называется. Ну, а вдруг товарищ следователь ошибается и такая преступная организация все-таки в наших краях есть? Ведь я же их, девчонок, своими глазами видел.

Уловив, видимо, мои колебания, Серебрянников спокойно сказал:

— Оперативных данных о крупной преступной группе в районе нет. Но я не исключаю какой-то случайности, в жизни бывает всякое, верно? Вдруг эти девушки надумали, например, выяснять адреса работников милиции, чтобы потом кому-то продать эту информацию. Можно такое допустить?

Я кивнул.

— Если у них много свободного времени, они могут устроиться у райотдела и весь день караулить нашу входную дверь. Похожие случаи уже были.

Ага, все-таки были!

— Но особо опасно в этом ничего нет. Хотя, конечно, неприятно. — Он повел глазами вокруг и улыбнулся уголком рта. — Зато здесь мы в полной безопасности, никто нам не помешает. Расскажите, где и как вы нашли деньги.

Ловушка

Он выслушал мой рассказ с живым интересом, побудившим меня вспомнить все подробности. Потом, зачем-то скользнув глазами по моей одежде, — я уловил это легкое движение, — Серебрянников спросил:

— Что еще вы можете рассказать? Какие-то ваши предположения или факты, относящиеся к делу? Подумайте. Все это может помочь следствию.

Я подумал немного, пережидая грохотавший наверху поезд.

— Этой ночью произошло еще одно событие, тоже очень странное. Оно, может быть, и не связано с найденными деньгами, но...

— Так выкладывайте.

Мимо нас по реке тарыхтела рыбацкая лодка. Сидевший в ней мужчина одной рукой держал руль, а сам, кажется, всматривался в наш берег, куда-то правее нас. Серебрянников выжидательно молчал.

— Дело в том, — начал я, — что сегодня ночью ко мне в гости появился незнакомый человек. Пьяный. Пока я с ним разговаривал у двери, на балкон к нам забрался еще кто-то.

И я рассказал обо всех событиях этой бурной ночи.

Внимательно выслушав, Серебрянников закурил:

— Опишите, как выглядел человек, с которым вы разговаривали.

Я начал описывать, как был одет ночной гость, его внешность, манеру разговаривать, позу и жесты. И вдруг... вдруг мне показалось, что между мной и следователем что-то произошло. Что-то неуловимое и нехорошее. Только сейчас в голову пришла мысль, что место это пустынное, рядом быстрая и глубокая река, и я рассказываю о своих запутанных и таинственных делах, по сути дела, совершенно незнакомому человеку. Собственное безрассудство предстало вдруг передо мной со всей очевидностью. Продолжая говорить, я начал лихорадочно соображать, в чем может заключаться опасность, которая мне грозит. Что такая опасность есть, — я был теперь абсолютно уверен. А между тем ни одного подозрительного звука не раздавалось кругом, и Серебрянников стоял совершенно спокойно. Но теперь я вспомнил — несколько секунд назад он выбросил сигарету и положил руку в карман пиджака. Ну и что?

Я перевел глаза вниз: правая рука его лежала в боковом кармане, сжатая в кулак. Сквозь ткань выпирали костяшки пальцев — так она была сжата. Кажется, он что-то держал в кулаке. Напуганный еще больше, я посмотрел ему в лицо и увидел плотно сомкнутые губы и злые, с прищуром, глаза. Он смотрел прямо в мои зрачки. Я загнулся, но усилием воли заставил себя продолжать. Сейчас нельзя расслабляться. Я вижу — он уже готов ударить, сбить меня с ног.

Между тем я продолжал рассказывать, запинаясь от напряжения, о ночном происшествии. Не думаю, что мой рассказ был связным, но тот, кто меня слушал, не задавал никаких вопросов. Может быть, ему было все известно и без них?

Не вдаваясь в подробности, я сообщил, что, опасаясь слежки или нападения, решил не брать денег и оставил их дома. Тем более что все утро у нашего подъезда маячили незнакомые парни и девушка...

И опять какая-то искра проскочила между нами. Черты лица его вдруг смягчились, замедленным движением он вынул руку из кармана, опустил ее и, чуть придвинувшись, спросил с неожиданным дружелюбием:

— Вы сказали по телефону, что купюры были десятирублевые. А не помните, старые или новые?

— Новые, — коротко ответил я и с некоторым опасением посмотрел ему в глаза. Глаза снова были спокойные. Значит, только что произошло что-то такое, что заставило его изменить агрессивные намерения? Или просто я все придумал, на меня накатило умопомрачение?

Туча закрыла солнце, и воздух стал серым, все вокруг замерло в неподвижности. Горизонт скрылся за бурой пеленой, но это был не дождь, это была пыль, которую вдали от нас поднимал шквалистый ветер.

— Непогода идет, — сказал я.

— Сейчас задует, — подтвердил он, не отводя от меня глаз. — Так вы оставили деньги дома? Решили не рисковать? Ну и правильно, если бы я знал ваши затруднения, не вызывал бы вас сюда. Ну, ничего. Я прошу вас никуда сегодня из дома не отлучаться, я сам приеду к вам вечером и заберу эти деньги. Договорились?

— Хорошо.

Кажется, все идет к благополучной развязке; сейчас наконец я выберусь из этой западни. И тут я вспомнил о рыбаке, проплывшем мимо нас на моторке и что-то высматривавшем на берегу. Интересно, что он увидел?

— До встречи, — сказал я, — пройду пешком вдоль железной дороги. Так ближе к дому.

И вместо того, чтобы идти к барачкам, я решительно зашагал по тропинке вправо, вдоль железнодорожного полотна. Серебрянников проводил меня внимательным взглядом, повернулся и пошел к насыпи.

Двигаясь по тропинке, метров через тридцать я миновал кусты и, к своему изумлению, увидел совсем недалеко от тропы двух мужчин, сидевших под деревом. Между ними на клочке земли, свободном от высокой травы, была постелена газета, на ней лежала ломаная краюха хлеба и банка консервов. Бутылки, этой неперменной спутницы уединившейся мужской компании, не было. Какие-то странные были эти гуляки. Ни единого звука не донеслось с их стороны за те полчаса, что мы беседовали с Серебрянниковым. Что они делали все это время, сохраняя полнейшую тишину? Возможно, ждали сигнала?

Услышав мои шаги, они разом повернули головы и все так же молча уставились на меня. Я прибавил шаг. Шквал застал меня у самого дома.

Размышления в непогоду

За окном бесновался и выл ветер, поднявшиеся в воздух тучи песка и пыли окутали пространство. В полумгле с трудом можно было разглядеть угол соседнего дома. Ветер выл на низкой тоскливой ноте, потом вдруг сильным порывом бил в стекло, лязгал железом и с грохотом гонял по балкону домашнюю утварь. Хлопнуло чье-то плохо прикрытое окно, с тревожным звоном полетели стекла.

Забившись в кресло, я размышлял над тем, что произошло на берегу реки.

Без сомнений, это была ловушка; не зря же вблизи от места нашей встречи прятались двое мужчин. И Серебренников точно вывел меня на них. А ведь в сорока метрах — река. Пожалуй, все в этом месте было подготовлено к тому, чтобы я исчез как можно незаметней: вышел из дома и не вернулся. Но не получилось. И почему не получилось — понятно: при мне не было денег. А как хорошо была подготовлена ловушка, и всего за один час: за кустами упрятаны помощники, готовые вмешаться в любую секунду; к месту встречи Серебренникова сопровождает «хвост», проверяя, чист ли он, нет ли за ним постороннего наблюдения. Именно так обстояло дело, следовательно знал, что девичьи, шедшие за ним, берегут его от случайностей, поэтому и не заинтересовался ими там, на Садовой. А я еще пытался его напугать... И потом сам полез в подготовленный капкан, как дичь несмышленная...

Я сидел в кресле, поджав ноги, и качал головой из стороны в сторону, как китайский болванчик. Чувство обиды переполняло меня. За что, собственно, мне было уготовано такое испытание? И кем? Что же, выходит, теперь вообще никому нельзя доверять, если дело касается крупной суммы денег? Конечно, это ерунда, есть на свете честные люди, их много, но вот поди ж ты: ночью ко мне нахально лезли в квартиру, а днем, всего через несколько часов, сумели заманить в ловушку...

И тут мысли мои приняли новое направление: а связано ли то, что произошло вчера ночью, с тем, что случилось сегодня днем? Одной цепи это звенья или нет? Над этим стоит призадуматься. В самом деле, как можно решиться на убийство, да еще днем, человека совершенно неизвестного, которого и в глаза-то убийца не видел? Даже профессиональные убийцы — киллеры всегда имеют какую-то информацию о своих жертвах, обо мне же следователь Серебренников не знал ровным счетом ничего. В том числе не знал и моих физических параметров — что тоже немаловажно...

Ну, а если предположить, что эти события связаны друг с другом, тогда получается, что круг людей, принимавших в них участие, довольно широк. А это говорит о существовании большой преступной организации, действующей в районе. Выходит, следователь вешал мне лапшу на уши? В самом деле, посчитаем действующих лиц: сам Серебренников, двое мужчин на берегу, две девушки — это днем; ночью один из злоумышленников лез в дверь, другой — на балкон, и еще кто-то, очевидно, стоял внизу; да утром — парочка на карусели... Эге, сколько их! И это только те, о которых я знаю. Целая банда!

Однако что-то, увы, не нравилось мне в этой картине, построенной вроде бы на фактах. Все, кажется, правильно, но так и подмывало самому себе возразить: неправда, так не бывает. Слишком уж лихо все закручено, как в кино. И потому неправдоподобно.

Стоп, кажется, я понял: действительно, слишком много людей участвует в этой истории. А добыча? Всего десять тысяч. Не маловато ли? Вот в чем дело, и здесь логика совершенно железная: если преступнику поживиться особенно нечем, он на преступление не пойдет. Но тогда зачем мне устроили ловушку у реки?

Нет, это невыносимо, так я сойду с ума. Хватит рассуждать, надо что-то делать, надо действовать, а не сидеть в кресле. Прежде всего, решил я, нужно срочно избавиться от этих денег, не дожидаясь, когда за ними придет Серебренников. Иначе я опять попаду в какой-нибудь переплет. На улице сейчас пустынно, дует холодный пронизывающий ветер, вряд ли кто-нибудь караулит до сих пор у моего дома, и я сумею улизнуть незаметно. А вечером следователь будет поставлен перед фактом, и пусть поступает как хочет. Итак, вперед!

Дело близится к развязке

Как утверждает наука, человек, оказавшись в критических обстоятельствах, способен творить чудеса, используя скрытые в его организме резервы. Что-то похожее произошло и со мной. Больше я ничем не могу объяснить появившуюся вдруг неудержимую пробивную способность, благодаря которой всего через пару часов я уже сидел в коридоре перед кабинетом начальника уголовного розыска. И день был неприемный, и время неподходящее, и вообще в этот момент начальника на месте не было, но, прорвавшись сюда, я сидел, как скала, и, кажется, никакая сила не смогла бы сдвинуть меня с места.

Мимо по высокому полутемному коридору проходили люди. В форме и в штатском. Некоторые из них с высокими мером поглядывали на меня и, отворачиваясь, шли дальше. Это поначалу удивляло меня, но потом я сообразил, в чем дело: в моей напряженной фигуре они опытным глазом легко распознавали просителя. Ну, а проситель ни в каком уголке нашей необъятной страны не пользуется уважением...

Примерно через полчаса ожидания в кабинет твердой походкой прошел его хозяин, бросив мне на ходу:

— Подождите минутку.

Всего через пять минут я уже был в кабинете — светлой комнате, казавшейся очень просторной из-за малого количества мебели. На стене против двери висел портрет Дзержинского, под ним стоял большой письменный стол и кресло. К столу в виде буквы Т были приставлены еще два небольших столика, около них стояло несколько стульев. Неизменный сейф, большой и широкий, занимал правый угол. Вот, кажется, и все.

Я присел на краешек стула. В кресле, положив на стол руки, как прилежный школьник, сидел широкоплечий человек в темно-синем костюме, с начинающей сесть шевелюрой и серыми холодноватыми глазами.

— Что вас привело ко мне?

— Я нашел деньги, — сказал я каким-то чужим голосом. — Большую сумму, десять тысяч. Я хотел сдать их в райотдел, но со мной начали происходить небезопасные приключения. Я хотел бы рассказать о них. Деньги — вот. — Я вынул пачку, аккуратно завернутую в серый лоскут, и положил ее на стол, подвинув поближе к человеку в кресле.

Он внимательно посмотрел на сверток, но не дотронулся до него, а взял со стола пачку сигарет, закурил и сказал:

— Рассказывайте.

Голос его прозвучал устало и даже чуть обреченно. Понимая, что именно сейчас наступил момент, когда надо выкладывать все козыри, я заговорил, стараясь выражаться четко и ясно, заостряя внимание на всех подозрительных, как мне казалось, деталях. Начальник угрозыска слушал, изредка поглядывая на меня. Рука его по-прежнему спокойно лежала на столе, и только время от времени он передвигал на нем коробок со спичками. Когда я кончил, он развернул тряпку и хмуро уставился на деньги в полиэтиленовом пакете. Помолчав, он снова закурил и сказал:

— Два вопроса. Первый. Зачем ты взял эти деньги?

Я посмотрел на него в нерешительности, не зная, что ответить. Он улыбнулся, но только одними глазами, и продолжал:

— Ну, нашел ты спрятанные деньги, даже знаешь, нет, предполагаешь, кто их спрятал. А зачем их брать-то? Зачем?

Я внезапно озлился:

— Я потому взял, что так не обращаются с деньгами нормальные люди. Если их спрятали в такое место, значит, тут скрыт какой-то злой умысел.

— И что же?

— Как это «что же»? Я решил помешать.

— Кому? Или чему?

— Не знаю чему, но помешать.

Он усмехнулся и проговорил, слегка растягивая слова:

— Ах, помеша-ать! А теперь что прикажешь с тобой делать?

Оформлять явку с повинной?

— К-какую явку? — поперхнулся я.

Он опять усмехнулся и нажал кнопку селектора.

— Ладно, не падай со стула. Это шутка.

Ишь ты, шутник какой нашелся. Скорее всего, это не шутка, а какая-то проверка, подумал я. Вроде как на детекторе лжи.

В кабинет вошла молодая женщина в милицмейской форме.

— Люда, отнеси это Копылову, — он подал ей пакет

с деньгами,— пусть посмотрит, только побыстрее, и мне позвонит.

Женщина вышла.

— Так. Теперь вопрос второй.— Он холодно посмотрел на меня.— Тебе не понравился Серебренников. Ты даже решил, что он хотел тебя убить. Из-за денег. Но следователями у нас работают только проверенные люди, и проверенные на много рядов.

— Тогда почему он хотел меня ударить?— сразу же возразил я.

— Ну уж, так и ударить. Сунул руку в карман, и все дела.

— Знаете что,— меня все это начинало злить,— я не из тех, кому никогда в жизни не «прилетало». Поэтому знаю: если кто-то уже приметился тебе в челюсть, то по нему сразу видно, где бы он ни держал руки, в карманах или... под мышками.

Хозяин кабинета улыбнулся:

— Богатое у тебя, однако, воображение.

— Воображение?— взвился я.— А тех мужиков, что за кустами сидели, я что, тоже вообразил?

— Мужики могли оказаться там раньше вас и молчали, чтобы по каким-то причинам себя не обнаружить. Причин для этого может быть больше чем достаточно.

— А... а девчонки, которые шли за Серебренниковым?

Он хитро исподлобья посмотрел на меня:

— Тут я тебе вот что скажу. Если человек вышел из дому с намерением искать слежку за собой, он ее найдет, будь спокоен.

Мой собеседник устало откинулся на спинку кресла, задумчиво посмотрел на окно.

— Зачем он вообще повел тебя на берег?— спросил он вполголоса, обращаясь, скорее всего, к самому себе.

— Не знаю.

— Я тоже,— промолвил он задумчиво.

Зазвонил телефон. Он взял трубку и долго молча слушал. Потом сказал:

— Нет. Неси сюда.— И он внимательно, будто в первый раз, посмотрел на меня.

— Деньги я тебе сейчас верну, и ты отвезешь их домой.

— Зачем?— упавшим голосом спросил я.

— Надо. Сделаем так. Слушай внимательно...

Зашторенное окно

К дому меня подбросили на служебной машине. День клонился к вечеру, поэтому первым делом я поинтересовался у жены, не искал ли меня кто-нибудь. Нет, никто не искал. Ну и прекрасно. Деньги — в шкаф, окно, выходящее к подъезду,— зашторить. Все.

— Ты зачем окно закрыл?— возмутилась жена.— На улице и так пасмурно.

— Тихо,— сказал я негромко, но внушительно.— Так надо. Я пообещал одному человеку показать, какие у нас шторы хорошие.

— Хорошие! Насмешил. Их давно выбросить надо, да где взять новые?— возмутилась жена и подошла к окну.— А откуда он смотрит?

— Этого я не знаю. И вообще, было бы лучше, если бы ты отошла от окна.

— Детские игры для взрослых мужчин,— презрительно сказала жена, но от окна отошла.

Почти сутки прошли с тех пор, как черт меня дернул прогуляться в овраге за профтехучилищем. И он же соблазнил мою собаку сунуть свой нос под бетонную плиту... Но ничего, развязки осталось ждать недолго. А пока — терпение. Будем ждать дорогого гостя.

Как медленно течет время! Большая стрелка настенных часов нехотя, как бы из последних сил, переползает с цифры на цифру. А вот часы, стоящие на письменном столе: секундная стрелка в них торопится и скачет, как школьник на перемене, зато минутная почти не движется. А часовая, та вообще уснула крепким сном. Ба, почему все часы в этой квартире показывают разное время? Шестого сигнала давно не слышали? Надо немедленно включить радио: уж чем-чем, а сигналами точного времени столица снабжает нас регулярно...

Телефон зазвонил через час. Я взял трубку и услышал голос Серебренникова. Он спрашивал, как я добрался домой после нашего свидания и все ли в порядке.

— Сейчас к вам подъедет наш сотрудник и оформит изъятие денег.

— Как его фамилия?— поинтересовался я.

— Воронин. А вас я хочу поблагодарить за бдительность и честность.

— Не за что,— холодно ответил я и положил трубку. Интересно, почему он не придет сам, как обещал? Прошло минут десять, и в дверь позвонили. На пороге стоял небольшого роста плотный человек в очках.

— Я от Серебренникова,— представился он,— моя фамилия Воронин.

— Вы один?— спросил я, пропуская его в комнату. Он внимательно взглянул на меня:

— Нет, есть еще внизу работники. А что, вы хотели бы передать деньги при свидетелях?

— Что вы! Я всего только хочу, чтобы вы забрали их, и чем скорее, тем лучше.

Усмехнувшись, он сказал невпопад:

— Мы процентов не берем.

И сел на стул, покосившись на собаку. Я принес сверток.

— Считать будете?

— Обязательно.

И тут я вспомнил про зашторенное окно. Вот раззявал в растерянности я посмотрел на жену: она спокойно сидела в кресле с вязанием.

— Зачем окно закрываешь раньше времени?— недовольным тоном спросил я.— В комнате совсем темно.

Бедная моя подруга посмотрела на меня округлившимися глазами, но ничего не ответила. Я дернул штору. Воронин глянул на жену, потом на меня и, чуть помедлив, развернул сверток.

— Здесь все, что вы нашли?— строго спросил он.

— Конечно все!— возмутился я.

Он начал сосредоточенно пересчитывать деньги, а я, став против окна, внимательно рассматривал его. Большая круглая голова, толстые щеки, покатый лоб. Короткие пальцы удивительно ловко перебрасывают червонцы, и они ложатся на стол аккуратными стопками. Кончив считать, он сложил деньги и засунул их в тот же самый пакет, сунул во внутренний карман пиджака, а из бокового кармана вынул бумагу и подал мне:

— Прочитайте и распишитесь.

Буквы отчего-то запрыгали у меня перед глазами.

— Где расписаться?— громко спросил я.

— Здесь.

Он положил бумагу назад в боковой карман, встал и любезно распрощался. Хлопнула дверь. На лестнице затихли шаги.

Через несколько секунд под нашими окнами загудел мотор, и в ту же секунду зазвонил телефон.

— Алло!— торопливо сказал мужской голос.— Вы отодвинули штору, у вас кто-то был?

— Да. Небольшого роста, в очках, назвался Ворониным. Только что вышел. Деньги забрал.

— Спасибо!— И в трубке запищали гудки. Я кинулся к окну.

От нашего подъезда только что отъехала зеленая «Нива». А мимо противоположного дома, невидимый снизу из-за высоких кустов, набирая скорость, в том же направлении промчался красный «Жигуленок». Стоявший в сторонке серый «Москвич», пропустив их, резко тронулся с места, круто развернулся, накренившись на бок, и помчался следом.

— Откуда они смотрели на наше окно?— спросила жена, остановившись за моей спиной. Я в недоумении пожал плечами и уставился на окна дома напротив.

Все позади

Воронина арестовали этим же вечером прямо в райотделе после того, как по требованию следователя прокуратуры он предъявил десять тысяч рублей, но совсем не теми купюрами, которые передал ему я. Воронин предъявил а с т о я щ и е деньги. Фальшивые нашли после обыска в его машине— зеленой «Ниве». Все таинственные события происходили со мной только потому, что преступники пытались любой ценой скрыть сам факт существования фальшивых денег.

Воронин, когда обнаружили фальшивые купюры, упал в истерику. А успокоившись, попросил бумагу и ручку. И начал писать лист за листом.

...Он узнал о существовании организации, занимавшейся изготовлением и сбытом фальшивых денег, недавно, всего несколько месяцев назад. И скоро понял, что знает о ней не только он: еще Серебренников. Он молчал об этом потому, что хотел вначале понять, отчего молчит следователь. Или это игра в кошки-мышки, или — преступление. Когда же он догадался — почему молчит, ситуация изменилась: Серебренников его вычислил. И предложил за его молчание гонорар. Вполне

приличный. А потом постепенно стал использовать его в целях прикрытия работы фальшивомонетчиков от возможного провала.

День назад Серебренников попросил его принять участие в работе по устранению кризисной ситуации, которая грозила провалить все дело. По чьей-то халатности очередная партия банкнот оказалась в руках постороннего человека. Адрес его каким-то образом сумел установить шофер такси, в чьи обязанности входили сбор и хранение фальшивых денег перед отправкой их в другие районы страны. Удалось также установить, что человек, нашедший в тайнике деньги, в то время жил один. Даже телефон его удалось отключить перед нападением на квартиру в ту ночь. Но что-то там сорвалось. На следующий день, когда настырный «клиент» дозвонился в райотдел милиции с намерением сдать найденные деньги официальным органам, им и занялся Серебренников.

Почему к «клиенту» не поехал сам Серебренников? Сказался занятым. Где хранятся оборудование и материалы для изготовления поддельных денег? Об этом он не имеет понятия. Где Серебренников сейчас? Да откуда он может знать...

А Серебренников исчез, как сквозь землю провалился. Вышел из кабинета и — пропал.

Прошло три месяца, кончилось лето. Сидевший тихо в тюремной камере Воронин вдруг неведь с чего стал проявлять признаки сильного беспокойства. Он сидел не в общей камере, а в «ментовской», где ради их безопасности содержались совершившие преступления работники милиции. В общей, вместе с уголовниками, им пришлось бы тужо... И вот в этой «ментовке» Воронин внезапно почувствовал себя столь неуютно, что почти перестал спать по ночам и, в конце концов, попросился в общую камеру, объясняя, что опасается покушения на свою жизнь. Со стороны кого? Неизвестно. Милицейское начальство встретило эту просьбу с юмором — совсем, мол, спятил мужик. Однако через несколько дней Воронин и в самом деле умер от внезапного сердечного приступа. Первого и последнего в своей жизни...

Поздней осенью наша областная газета опубликовала небольшую заметку: «Обезвредить преступников». В 198... году, говорилось в ней, с 20 августа по 3 сентября в Магнитогорске, Челябинске, Новосибирске и Омске, с 28 сентября по 3 октября в Свердловске неизвестными лицами осуществлен сбыт фальшивых казначейских билетов десятирублевого достоинства. Клише для изготовления поддельных денег в начале июля этого года обнаружено на левом берегу реки у поселка Титово. Преступники могут владеть специальностями фотографа, полиграфиста, художника, гальваника, гравера.

Следствие обращалось к населению с просьбой сообщить о лицах, которые, имея указанные специальности или владея такими навыками, в период с 198.. года по настоящее время занимались приисканием соответствующего оборудования и материалов...

Не Воронин ли помог обнаружить это клише на берегу реки? За что и был так сурово наказан... Но кем?

А что же моя милая соседка, которая приходила продавать югославское платье накануне ночного происшествия? И обещала прийти еще? Больше она у нас в квартире не появлялась, и никаких претензий к ней никто не имеет. Кроме меня. Ну, а я убежден, что именно она навела тогда на мой след таксиста, после чего и последовала вся цепь тех опасных событий, в которых мне пришлось участвовать поневоле.

Конечно же, это не она лезла ночью в нашу квартиру. Но именно она подсказала шоферу такси, где живет человек, прогуливающий большую собаку. Возможно, без всякой задней мысли или по старой дружбе. Всех-то делов на копейку. Но тем не менее возможный путь следствия к шоферу такси ведет только от нее. И он это знает. Не слишком ли рискует моя соседка? Не знаю, допрашивали ли ее, во всяком случае, своими сомнениями я поделился в милиции. Поживем — увидим.

А след Серебренникова отыскался лишь весной, когда наладилась дорога от глухих таежных поселков к райцентрам. Тогда и выяснилось, что всю зиму в отдаленном зимовье местного промысловика-охотника гостил городской следователь. Как он попал в такую глушь, если охотника с собаками забрасывали туда только вертолетом,— непонятно.

Однако к концу сезона гость в поселке не появился, а куда делся — хозяин сказать не мог. Не знал. На этом следы Серебренникова затерялись.

И вряд ли сыщутся в наше смутное время.